

Два Мясника

№ 93-5442/5

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

Цѣна номера 75 к.

ДѢЛО

АДРЕСЪ КОНТОРЫ и РЕДАКЦІИ:

Москва, Мясницкая д. 21, кв. 57 (во дворѣ) Тел. 4-20-92, Контора открыта съ 11 ч. до 4. ч. дня.
Отд.: Б. Никитская, 24, Тел. 3-92-85.
Петрогр. Отд.: Баскова ул., д. № 9/1, кв. 7.

◁ ○ ▷

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Л. И. Аксельродъ (Ортодоксъ), М. Амгинскій, Г. Батурскій, П. Голиковъ, В. Гриневицъ, Л. Дейчъ, Ю. Денинъ, П. Дневницкій, А. Дюбуз, В. Епифановъ, С. Загорой, И. Зайцевъ, Д. Заславскій, В. И. Засуличъ, Ст. Ивановицъ, В. Канторовицъ, С. Кляванскій, П. Н. Колокольниковъ, Д. Кольцовъ, Из. Кубиковъ (Дементьевъ), Г. Кучинъ, В. Левицкій, М. Либеръ, В. Львовъ-Рогачевскій, А. Любимовъ, Евг. Маевскій, В. Н. Малинковичъ, П. П. М. словъ, В. Мирвъ, Гр. Петровицъ, А. Н. Потресовъ, Л. Пумпянскій, В. Рафаиловъ Чернышевъ, Вл. Розановъ, А. Н. Смирновъ, Е. Смирновъ (Гуревичъ), А. Фишгендлеръ, М. Хейсинъ, И. Чернышевъ, С. Шварцъ, В. Шеръ, Ф. Юдинъ и др.

№ 13

Четвергъ 18 іюля (5 іюля) 1918 г.

№ 13

СОДЕРЖАНІЕ: В. Левицкій—У послѣдней черты. В. М.—Долой смертную казнь! П. Колокольниковъ—Областные государства и возрожденіе Россіи. П. Дневницкій—Отъ Бѣлинскаго къ Плеханову. В. Рафаиловъ-Чернышевъ—Г. В. Плехановъ въ «Единствѣ». В. Гриневицъ—Г. В. Плехановъ и рабочій классъ. Д. Кольцовъ—Новая тактика Франца Меринга. Л. Пумпянскій—Декретъ о націонализациі промышленности. Л. Штлинъ—К. А. Тимирязевъ. А. Фишгендлеръ—[А. А. Тарасевичъ.] И. Чернышевъ—Западная наука и восточная практика

Отъ Бѣлинскаго къ Плеханову.

I.

День похоронъ Плеханова почти совпалъ съ семидесятилѣтїемъ со дня смерти Бѣлинскаго. Они похоронены рядомъ. Таково было желаніе Плеханова. Уже одно это желаніе показываетъ, какую глубокую идейную связь онъ чувствовалъ съ „неистовымъ Виссаріономъ“.

Но еще болѣе о томъ же свидѣлствуютъ статьи Г. В. о Бѣлинскомъ. Онъ первый подошелъ къ произведеніямъ великаго критика съ точки зрѣнія социально-исторической. Первый отмѣтилъ, что, вопреки распространенному мнѣнію, собственно литературно-художественные взгляды Бѣлинскаго не мѣнялись по существу. Онъ объяснилъ всѣ кажущіяся колебанія Бѣлинскаго развитіемъ его критической мысли въ опредѣленномъ направленіи, которое не только являлось прогрессивнымъ для Россіи, но и вполне соответствовало направленію, принятому самой передовой общественной мыслью Запада.

Бѣлинскій былъ литературнымъ критикомъ. Но его литературная критика носила философскій и социологическій характеръ, служила единственно возможнымъ по тому времени способомъ проводить свои общественные взгляды.

Эти взгляды Бѣлинскаго развивались подъ влияніемъ двухъ факторовъ: нѣмецкой классической философіи и „гнусной расейской дѣйствительности“. Не владѣя нѣмецкимъ языкомъ, Бѣлинскій могъ знакомиться съ классической философїей только съ чужихъ словъ. Это значительно затрудняло усвоеніе предмета. Русская дѣйствительность была такова, что всякій честный и мыслящій человѣкъ долженъ былъ „сознавать себя нулемъ“. Отсюда—безотрадный и безнадежный пессимизмъ Чаадаева. Но Бѣлинскій былъ натурой дѣятельной, боевой, не склонной предаваться безплодному пессимизму.

Въ началѣ своей дѣятельности онъ увлекается фантастическимъ идеаломъ, навѣяннымъ ему романтикой Шиллера и субъективной философiей Фихте „Гнусная“ дѣйствительность для него не болѣе, чѣмъ призракъ.

Но уже въ 1837 году Бѣлинскій, побуждаемый своимъ теоретическимъ чутьемъ, разрываетъ съ идеаломъ, оторваннымъ отъ жизни, идеаломъ, который ничего не объясняетъ и ничему не помогаетъ. Онъ отказывается отъ политики, для которой будто-бы въ Россiи нѣтъ мѣста, и отъ «дикой вражды» къ существующему порядку во имя „примиренiя съ дѣйствительностью“, то есть во имя конкретной дѣятельности. Этотъ переходъ совершаетъ Бѣлинскій съ помощью философи Гегеля.

II.

Философи Гегеля сыграла въ умственномъ развитiи Европы въ высшей степени прогрессивную роль. Это была настоящая „алгебра революцiи“. Но въ ней слѣдуетъ различать двѣ стороны: методъ и систему. Душу гегелевской философи составлялъ діалектической методъ, ученiе о развитiи въ противорѣчiяхъ. Этотъ методъ, съ особою силою сказавшiйся въ „Логикѣ“ Гегеля, сталкивался съ его системою. Именно въ „Философи права“ Гегель объявляетъ свою философию— вопреки ея діалектическому характеру, не признававшему ничего абсолютнаго, т. е. неизмѣннаго— системою абсолютной истины.

Противорѣчiе между діалектическимъ методомъ и претендующей на абсолютность системою отчетливо сказалось въ извѣстномъ положенiи Гегеля, надъ которымъ ломали головы передовые русскiе,—да и не только русскiе,—люди 30-хъ и 40-хъ годовъ: «Все дѣйствительное—разумно, все разумное—дѣйствительно».

Какъ это понимать? Согласно „Логикѣ“ далеко не все существующее—дѣйствительно. „Въ своемъ обнаруженiи дѣйствительность оказывается необходимостью“, то есть дѣйствительно лишь то, что является необходимымъ результатомъ развитiя и потому способно къ дальнѣйшему развитiю. «Но въ послѣднемъ счетѣ необходимое оказывается также и разумнымъ».

А въ „Философи права“ тотъ же Гегель заявляетъ, что истинное знанiе миритъ людей со **всею** окружающей ихъ дѣйствительностью, со **всеми** существующимъ.

Познакомившись именно съ этой стороной ученiя Гегеля, Бѣлинскій въ статьяхъ „Менцель-критикъ Гете“ и „О Бородинской годовщинѣ“ послѣдовательно довелъ ее до крайности и совершенно смирился передъ неприглядной россiйской обстановкой.

Однако, онъ не могъ долго выдержать подобное испытанiе: въ 40-мъ году Бѣлинскій проклинаетъ „свое гнусное примиренiе съ гнусной россiйской дѣйствительностью“ и раскланявшись съ „философскимъ колпакомъ Егора Федоровича“ (Георга-Фридриха Гегеля), переходить на точку зрѣнiя его діалектики.

Ошибка свою, сдѣланную вслѣдъ за Гегелемъ-провозвѣстникомъ абсолютной истины, Бѣлинскій впоследствии самъ объяснялъ тѣмъ, что онъ не сумѣлъ **развить идею отрицанiя**. Иначе: въ тогдашней Россiи онъ,—и, конечно, не онъ одинъ,—не видѣлъ такихъ общественныхъ факторовъ, которые въ своемъ развитiи сдѣлали бы неизбежнымъ уничтоженiе ненавистой дѣйствительности. Да онъ и не могъ ихъ видѣть, потому что такихъ факторовъ въ русской жизни еще не было налицо: они начинали только обнаруживаться въ жизни Западной Европы.

III.

Эпоха „примиренiя“ Бѣлинскаго въ социологическомъ смыслѣ знаменовала собою крупный шагъ впередъ. Переводя одно изъ существенныхъ положенiй статьи о Бородинской годовщинѣ на нашъ нынѣшнiй языкъ, Плехановъ говоритъ:

„Оно означаетъ, что общественныя учрежденiя возникаютъ не потому, что кто-то захотѣлъ установить именно эти, а не другiя учрежденiя, а потому, что они отвѣчаютъ извѣстнымъ общественнымъ потребностямъ, возникшимъ въ процессѣ историческаго развитiя и опредѣлившимъ собою то волевое движенiе, которое побуждаетъ „общественнаго человѣка“ къ созданiю данныхъ учреждений. Усвоить себѣ эту истину значитъ **навсегда** распроститься съ утопизмомъ“.

Но въ томъ-то и дѣло, что Бѣлинскій и въ дальнѣйшемъ не всегда твердо держался этой истины. „Возставъ противъ „колпака“, онъ сталъ развивать идею отрицанiя не путемъ діалектическаго анализа дѣйствительности, а путемъ апелляцiи къ отвлеченному понятiю „человѣческой личности“. И даже въ послѣднiй годъ своей жизни, когда онъ перешелъ уже къ материализму Фейербаха, когда подъ дѣйствительностью онъ понималъ „истинную сущность предмета“, когда будущее развитiе Россiи ставилъ въ зависимость отъ образованiя у насъ буржуазiи, то есть развитiя капитализма, значитъ отъ экономи-

ческих причин; когда онъ сталъ убѣжденнымъ социалистомъ, — онъ и тогда взывалъ къ „личности“, ждалъ „новаго Петра Великаго“.

Такимъ образомъ Бѣлинскому, быть можетъ, больше всѣхъ русскихъ мыслителей обладавшему «философской организаціей», не удалось доработаться до конкретнаго міросозерцанія. Отсталость общественныхъ отношеній Россіи была тому главною причиною.

Апелляція къ человѣческой личности, обоснованная матеріализмомъ Фейербаха, дѣлаетъ Бѣлинскаго родоначальникомъ русскихъ просвѣтителей 60-хъ годовъ. Наша задача — просвѣщеніе, не разъ въ этомъ смыслѣ высказывался Бѣлинскій. „Быть учебникомъ жизни“, развивать въ обществѣ здравыя понятія хотѣли и успѣвали Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ. Такимъ путемъ они надѣялись привести человѣчество къ матеріальному освобожденію. Но если Бѣлинскаго убивала невозможность развить идею отрицанія изъ дѣйствительной жизни, перебросить мостъ между идеальнымъ и реальнымъ, то просвѣтители нисколько не смущались абстрактностью своего идеала и смѣло выводили его изъ человѣческой природы.

Время было другое. Между 40-ми и шестидесятыми годами прошла Крымская кампанія и такъ называемая „освободительная“ эпоха. Старое разлагалось. Силы для новаго еще не созрѣли. Въ такіе періоды разумъ кажется всемогущимъ.

„Мнѣніе — править міромъ“, таково, въ концѣ концовъ, сознаютъ они это или нѣтъ, основное положеніе просвѣтителей. И отъ этого идеалистическаго взгляда на общество и исторію, несмотря на свой философскій матеріализмъ, не свободенъ Чернышевскій, какъ и его учитель Фейербахъ.

Какъ бы тамъ ни было, въ лицѣ Бѣлинскаго и Чернышевскаго наша передовая общественная мысль 40-хъ и 60-хъ годовъ стремилась не отставать отъ передовыхъ теорій Запада.

Но со второй половины 60-хъ годовъ разстояніе между Россіей и Западной Европой въ области мысли становится все болѣе значительнымъ. Бѣлинскій и просвѣтители, не видя движущихъ, прогрессивныхъ силъ исторіи въ развитіи русской жизни, искали ихъ внѣ ея. Народники же 70-хъ и 80-хъ годовъ — вслѣдъ за Герценомъ и Бакунинимъ — усматривали эти силы въ экономической отсталости страны, оказывались сторонниками экономического застоя, регресса.

Превознося русскую самобытность, они съ презрѣніемъ относятся къ ученію пришедшаго на смѣну философіи Фейербаха новѣйшаго матеріализма и научнаго социализма, который блестяще расцвѣлъ въ эту пору въ Германіи и принесъ богатые плоды.

IV.

Сознаніе опредѣляется бытіемъ. Общественное сознаніе людей опредѣляется ихъ общественнымъ бытіемъ. Общество не однородно. Вся исторія его была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ. У представителей разныхъ классовъ — различные взгляды и стремленія. Кто хочетъ способствовать прогрессивному развитію даннаго общества, тотъ долженъ изучить это общество въ его исторіи, найти его движущія силы, тотъ классъ, развитіе котораго связано съ развитіемъ всего общества, а, стало быть, рано или поздно ведетъ къ его отрицанію, то есть къ замѣнѣ существующаго общественнаго строя новымъ строемъ.

А такъ какъ общественная дѣятельность людей, какъ всякая ихъ дѣятельность, есть дѣятельность сознательная, то задачей человѣка прогресса, социалиста является развивать сознаніе представителей передоваго класса въ томъ направленіи, въ которомъ только и можетъ совершаться общественное развитіе. Мало того. Его задача — способствовать организаціи этого класса во такую силу, которая могла бы противостать силамъ отживающаго строя, и тѣмъ ускорить и облегчить діалектическое выступленіе новаго общества изъ нѣдръ стараго.

Этимъ передовымъ классомъ, черезъ освобожденіе котораго современное капиталистическое общество идетъ къ полному своему социальному освобожденію, оказывается пролетаріатъ. И потому пришедшая на смѣну односторонняго и непослѣдовательнаго матеріализма Фейербаха матеріалистическая діалектика Маркса-Энгельса становится идеологіей рабочаго класса, орудіемъ его эмансипаціи.

Слѣдуя завѣтамъ великихъ западниковъ 60-хъ и 40-хъ годовъ, Плехановъ въ половинѣ 80-хъ годовъ приноситъ это орудіе изъ Европы въ Россію. Опираясь на неоспоримые факты жизни, на данныя статистики, на собственныя и своихъ товарищей наблюденія, онъ устанавливаетъ, что Россія, хотя и медленно, но все-же идетъ по западно-европейскому пути, что въ ней развивается капитализмъ, а вмѣстѣ съ нимъ и рабочій классъ. Къ сознанію, силѣ и росту этого класса Плехановъ и его товарищи по группѣ „Освобожденіе Труда“ приурочиваютъ всѣ свои прогрессивныя, революціонныя надежды.

Теоретическіе взгляды названной группы идутъ навстрѣчу развивающемуся движенію пролетаріата и, освѣщая его классовой идеологіей, способствуютъ его оформленію, укрѣпленію, организованности. Философія въ собственномъ смыслѣ слова замѣняется соціологіей и политикой, вопросы чисто „просвѣтительные“ — вопросами практическими, вопросами тактики.

Столь мучившая Бѣлинскаго „идея отрицанія“ воплощается въ жизни. Конкретное міросозерцаніе вступаетъ въ свои права.

Но это еще не все. Только тогда, когда конкретная жизнь создала условія, необходимыя для рѣшенія вопросовъ, мучившихъ Бѣлинскаго; только тогда, когда вопросы эти были рѣшены, стало возможно правильно понять и самого Бѣлинскаго, опредѣлить его мѣсто въ исторіи русской общественной науки и литературы.

Плехановъ, какъ мы видѣли, даетъ исчерпывающій отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Онъ подхватываетъ оборвавшуюся было нить развитія нашей передовой общественной мысли и ведетъ ее дальше. Онъ не только соединяетъ современное рабочее движеніе съ освободительнымъ движеніемъ 60 хъ и 40 хъ годовъ. Онъ дѣлаетъ русскій пролетаріатъ прямымъ наслѣдникомъ той идеи, которая зародилась въ умѣ гениальнаго Бѣлинскаго и тридцать пять лѣтъ пролежала подъ спудомъ, чтобы воскреснуть и развиться въ работахъ группы „Освобожденіе Труда“ и получить свое воплощеніе въ программѣ россійской соціальной демократіи.

П. Дневницкій.